

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

*Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово, Россия**Кафедра культурологии**Кандидат культурологии, доцент**Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia**Department of Cultural Sciences**PhD of cultural sciences, Associate Professor**astahov_oleg@mail.ru***РЕФЛЕКСИВНОСТЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА**

Сложность самоопределения личности в условиях современной культуры порождает высокую степень ее рефлексивной активности. Поэтому мировоззренческие искания личности и попытки сформировать свои жизненные императивы зачастую сопровождаются переоценкой ценностей. В состоянии противоречия с миром человек оказывается в ситуации неопределенности, что актуализирует рефлексивность его идентификации. В рефлексии наблюдается тождество субъекта и объекта мышления, в результате чего осуществляется формирование чувственных истин. Вследствие подобных установок в современной художественной культуре актуализируется настоящее время, ориентированность на процессуальность, исключительное внимание к индивидуальным ощущениям и т. д. Эти характеристики соответствуют представлениям П. Сорокина о современном чувственном типе культуры, формирующем определенный стиль искусства, свободного от сверхчувственного символизма. В результате при активной рефлексивности идентификации личности, побуждающей к поиску и открытию новых истин, одновременно констатируется кризисное состояние современной художественной культуры, ориентированной исключительно на фиксацию релятивных отношений.

Ключевые слова: рефлексивное мышление, идентификация личности, чувственный тип

культуры, релятивные ценности, художественная культура, современное искусство.

REFLEXIVITY OF PERSONALITY IDENTIFICATION IN THE ART CULTURE OF THE 20TH CENTURY

The complex process of personal self-determination is a characteristic feature of the modern culture, and it generates a high level of personality's reflexive activity. This reflexive search for meaning and for vital imperatives often leads to a reevaluation of values. In other words, the uncertainty of the modern society and its conflict with person stimulate striving for reflexive self-identification. It is crucial that in such reflection an identity of the subject and thinking object is observed, which, in turn, presupposes the formation of the sensual truth. One can find this focus on the present, this exclusive attention to the individual feelings in various forms of modern art as well. In many respects it corresponds to the P. Sorokin's vision of the contemporary sensual culture. This culture, argues Sorokin, forms a certain style or type of art which is free from any super-sensual symbolism. The article argues that the result of the mentioned strive for the personal self-identification is the search and discovery of the new truth, whereas the modern art is rather focused only on establishing the relative relations, but

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

never seeks the whole truth, which leads to a conclusion that the modern art is indeed in a state of crisis.

Key words: reflexive thinking, personality identification, sensual type of culture, relative values, art culture, modern art.

Сопряженность художественной культуры в единстве ее предметной и личностной форм с многообразием видов индивидуального бытия людей представляет собой подвижное проблемное пространство, привлекающее к себе различными своими гранями пристальное внимание ученых. В орбиту исследовательских интересов все чаще попадают вопросы о том, каким образом, посредством каких источников и механизмов осуществляется участие человека в процессах создания и функционирования культурных ценностей, возникновение которых во многом обусловлено мировосприятием человека. М.М. Бахтин отмечал: «С появлением сознания в мире... мир (бытие) радикально меняется. Камень остается каменным, солнце – солнечным, но событие бытия в его целом (незавершенное) становится совершенно другим, потому что на сцену земного бытия впервые выходит новое и главное действующее лицо события – свидетель и судия. И солнце, оставаясь физически тем же самым, стало другим, потому что стало осознаваться свидетелем и судией. Оно перестало просто быть, в себе и для себя и для другого, потому что оно отразилось в сознании другого»¹.

Сам мир личности может быть представлен как целостный «мир культуры», где проявляют себя имманентные параметры духовного бытия личности, позволяющие ей реализовать себя не только благодаря обществу, но иногда и вопреки ему. Мир личности, инспирированный господствующей культурной доминантой, в то же время выступает как некая внутренняя целостность, проявляющая

себя в этом смысле по отношению к общечеловеческой культуре как самоценность, тем самым определяется значимость изучения способов самореализации (самоосуществления) человека в культуре, что представляет собой сложный многостадийный, поэтапный процесс, органичной частью которого является индивидуально-личностное становление, то есть самоопределение. Применительно к проблеме связи человеческой субъективности с культурой особенно трудно переоценить значимость личностного самоопределения. Именно Г.В.Ф. Гегель обратил внимание на возможности человеческого самопознания – главного условия духовного самоформирования и самообразования людей в культурном процессе².

Сложность, а в известном смысле и драматизм самоопределения порождает высокую степень познавательного-поисковой и ориентационно-рефлексивной активности личности в пору ее становления. Нередко мировоззренческие искания личности и попытки сформировать свои жизненные императивы сопровождаются переоценкой ценностей. Ориентационно-рефлексивная деятельность самосознания трансформируется со временем в содержательные пласты внутреннего мира личности, в качественную определенность ее реального отношения к культуре.

Наряду с эмоциональной напряженностью (а порой и избыточностью) индивидуальных исканий процесс самоопределения человека характеризуется также и своей многогранностью. Многогранность становления личности в качестве субъекта культуры обусловлена действием как внеш-

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979. - С.341.

²См.: Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. - М., 1959. - Т.4. - С.50.

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

них, так и внутренних факторов: с одной стороны, сложностью, многообразием окружающего мира, с другой стороны, особенностью человеческой субъективности. Мир и человек образуют взаимоопределяющиеся сущности – человек имеет мир как предпосылку и сферу своего бытия, и одновременно человеческое бытие становится способом развития мира³. В своей специфической определенности человеческий мир – как сфера отношений бытия, система смысло-жизненных реальностей, целесобразно связанная сеть явлений и т.д.⁴.

Многогранный характер личностного самоопределения находит свое выражение, прежде всего, в содержательной насыщенности и «полисюжетности» ориентирования человека в культуре. Это ориентирование включает такие виды культурной деятельности, как выработку ценностных ориентаций, выделение смысловых моментов индивидуального бытия, формирование представлений о том, что есть истина. Единство ценностных, смысловых, нравственно-психологических сторон личностного самоопределения составляет мировоззренческие предпосылки сформированности личности. Именно поэтому каждое из отмеченных направлений процесса самоопределения человека играет человекоформирующую роль в том плане, что посредством его индивид углубляет собственное понимание ряда смысложизненных вопросов.

Возможности самоопределения в системе культуры как способа разрешения внутренних («бытие для себя») и внешних («бытие для других») противоречий предшествует самоидентификация. Самоидентификация для человека – это то, что составляет его Я, при этом Я должно переживаться как постоянная величина, как возможно полное подобие самому себе⁵. Однако следует учитывать, что в действительности идентичность каж-

дой личности намного глубже, чем любая видимая принадлежность⁶.

Обращаясь к проблеме идентификации необходимо различать такие способы самоопределения как самоотождествление и самоидентификация. В.И. Красиков отмечает, что «самоотождествление передает однозначную ситуацию, когда выбор УЖЕ сделан (если есть сама его возможность). Оно выражает однозначную настроенность на одну операцию – замещение какого-либо “объекта” самим собой. Здесь выбор позади, сомнения и сравнения остались позади – впереди ситуация ПОДСТАНОВКИ меня на “место” облюбованного объекта. Речь в “самоотождествлении” идет не о поиске определенности, а сугубо “технической” процедуре взаимоотождествления двух объектов: “меня” и “образца” (...) “Самоотождествление”, которое не следует смешивать с “самотождественностью” (процедурой установления факта “Я” = “Я”), имеет другую ориентацию. Это активность уподобления, ориентированная на внешний образец, самовыносящая “Я” за пределы собственного “Я”⁷.

В психологических теориях личности подобная социально-интегративная тенденция человеческой психики характеризуется по-разному. Например, в концепции американского психолога А. Маслоу она выделяется в особую инстинктоидную потребность в «принадлежности» к человеческой общности⁸. В других теоретических контекстах, например, в психоаналитическом, эта тенденция рассматривается в связи с мотивационной проблематикой, данный феномен рассматривается в связи с присущим человеку бессознательным отождествлением себя с кем-то другим, возникает переживание тождественности другому. Психолог

³ См.: Человек и мир человека. - Киев, 1977. - С.63.

⁴ См.: Мировоззренческая культура личности. - Киев, 1986. - С.28-50.

⁵ См.: Культуральная антропология / Ред. Емельянов Ю.Н, Скворцов НГ. - СПб., 1996. - С.17.

⁶ Taylor Ch. Sources of the self: The making of the mod. Identity. - Cambridge: Cambridge Univ. press, 1992. - P. 215.

⁷ Красиков В. И. Метафизика самоопределения. - Кемерово, 1995. - С. 37

⁸ Маслоу А.Г. Мотивация и личность. - СПб., 1999. - С. 87.

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

Е.З. Басина считает разновидностью самоотождествления эмпатию – эта такая способность человека переживать, чувствовать за другого, как за самого себя⁹. Подобная эмпатия проявляется в отношениях, когда некий образец является заданным и определенным.

В культуре XX века, связанной с обесцениванием существующих образцов, актуализируется роль рефлексивности в самоидентификации. «Здесь нет однозначности, а имеется ориентация на поиск определенности... “Самоидентификация” означает активность, ориентированную на поиск самоидентичности. Здесь “Я” хотя и выходит вне своих пределов в поисках самобытности, однако сохраняет свою “суверенность” и фиксированность в качестве самоорганизующегося центра»¹⁰.

Несомненно эта фундаментальная особенность человеческой жизнедеятельности коренится в специфической природе человека, а именно в том, что человеческое бытие протекает и конституируется как процесс самоопределения человека в мире. Человек не получает собственную определенность из внешнего мира как нечто предзаданное. Она не столько дана или задана человеку, сколько является его собственным произведением. Будучи следствием собственных усилий человека, она в нем самом имеет столь же весомое основание, как и в объективной реальности, к которой человек несомненно принадлежит.

Категория духа позволяет понять, как возможно такое необычное бытие. Именно духовное развитие представляет то событие жизни, в котором человек обнаруживает, «что он есть» и «что он не есть», иными словами, постигает подлинность своего бытия. Образно говоря, духовный мир образует пространство, в котором человек проходит путь к самому себе. Незамысловатое с логической точки зрения тождество «я – человек» является

важнейшим достижением этого пути и составляет острейшую онтологическую проблему. В нем, этом логически простом равенстве, выражается обретение человеком самого себя, своей собственной сущности, которая становится достоянием человеческого существа или общности вопреки всем превратностям существования.

Однако данное равенство оказывается невозможным в те периоды, когда культура перестает наполнять содержанием живую человеческую жизнь и тем самым теряет ее в качестве своей опоры. Наступающая вследствие этого зыбкость, непрочность, кризисность миропорядка со всей очевидностью обнаруживает, что именно конкретные люди («мир людей») являются, в конечном счете, той живой самодеятельной силой, которая удерживает его в бытии, то есть культурный универсум проявляется лишь тогда, когда полностью заполняет жизнь людей, становясь их организующим началом, а не в тот момент, когда конституируется в виде определенной объективированной структуры. Человеческая жизнь, а вместе с ней и мир утрачивают содержательность той судьбы, которая предполагается данным миропорядком культуры. Неполный мир все больше обнаруживает свою историческую изжитость. Возникает противоречие между человеком и миром.

Противоречие человека и мира, конечно, не означает буквального выхода личности за пределы данного мира. Если личность оказывается вовне, то никакого противоречия между человеком и миром просто не может возникнуть. Получается лишь внешнее различие несхожих сущностей. В этом случае человек выступает как лишенный уз прямой со-принадлежности какому бы то ни было Целому. Этим он отрицает свое бытие в качестве части, или акциденции, ибо утверждает себя как несущего внутри себя свою единичную, уникальную меру субстанциональности. В себе самом он несет свое начало субъектности: он – не периферия внешнего Центра, а сам обладает в себе центром своего мира, сам внутри себя – «всеобщее существо», построен-

⁹ Bassina E. Identification: reality or a theoretic construct? // *Dynamische Psychiatrie*. - West Berlin. - 1990. - P. 34.

¹⁰ Красиков В.И. Указ. соч. - С.37.

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

ное и организованное вокруг своего собственного конституирующего начала¹¹.

Противоречия человека и мира суть внутреннее противоречие человеческого бытия, и его движущее начало. Такой характер оно приобретает в силу того, что человек выпадает из мироздания, оставаясь в нем; миропорядок, организованный в соответствии с определенными культурными ценностями, распадается, но никакого иного пространства жизни человек не имеет. В этом положении человек обнаруживает свою бессодержательность.

В состоянии противоречия с миром человек оказывается в ситуации неопределенности. «Распад образа мира ведет за собой массовую дезориентацию, утрату идентификации на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом. В таких обстоятельствах мир для человека и человек для самого себя перестают быть прозрачными, понятными, знакомыми. Такое положение не длится долго, немедленно начинается поиск новых культурных моделей, идеологических схем, призванных восстановить мир пусть как иное, чем раньше, но равным образом упорядоченное целое»¹². Причины поисков новых ценностных систем связаны с тем, что человек видит, что мир перестает реагировать на его действия адекватным образом. Человек как бы перестает отражаться в зеркале мира. В результате он становится неузнаваемым для самого себя, перестает знать самого себя. Как показал Г. Гарфинкель, такое состояние порождает чувство неуверенности и тревожности, психосоматические синдромы, острые депрессии и психозы¹³.

«На протяжении поколений, – отмечает Г.Г. Дилигенский, – человек называет себя разум-

ным, homo sapiens, выделяя себя из природного мира своей способностью мыслить, ставить перед собой определенные цели, вырабатывать и применять средства, ведущие к их достижению. И вот именно эта способность к разумному целеполаганию все чаще предстает не счастливым даром человека, а источником его бед. А вместе с ней под сомнением оказывается и то, что называется человеческой идентичностью – представление человека о своем особом месте в мире, о смысле своего существования на земле»¹⁴. Подобные сомнения обостряются в те периоды культурно-исторического процесса, когда приходит осознание конечности бытия. «Успокоительное чувство самотождественности индивид испытывает до тех пор, пока ему удастся придать изменениям смысл непрерывности, обеспечивающей устойчивость Я-образов относительно актуального поведения и “идеального Я”. Таким образом, формирование констатируемой самотождественности (идентичности) неотделимо от взаимодействия с ценностной идентичностью, на которую индивид претендует», – пишет Ю.Н. Емельянов¹⁵.

В процессе самоидентификации человек проходит противоречивый путь развития и первым этапом на пути к самоопределению становится мироощущение, мирозерцание при одновременном ощущении и чувствовании самого себя в мире. Данный эмоционально-психологический уровень обостряется особенно в кризисные периоды истории, связанными с социальными катаклизмами, внутренними коллизиями. В тот момент, когда существующая система дискурса оказывается недееспособной, когда заданная система ценностных ориентиров теряет свой смысл, человеку не остается ничего другого, как обратиться к самому себе в поисках ответа на вопрос «что есть истина?». «Иг-

¹¹ См.: Батищев Г. С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. - М., 1987. - С.112

¹² Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка // Социологические исследования. - 1995. - №5. - С.3.

¹³ Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. - Englewood Cliffs. New Jersey, 1968. - P.55.

¹⁴ Дилигенский Г.Г. В защиту индивидуальности // Вопросы философии. - 1990. - №3. - С.31.

¹⁵ Культуральная антропология / Ред. Емельянов Ю.Н., Скворцов Н.Г. - СПб., 1996. - С.17.

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

норирование человеком внешней реальности посредством сомнения, оставляет субъекту одну возможность – погрузиться в себя, стать самосознающей мыслью, что на самом деле означает, что человеческий разум смог подняться на следующую более высокую ступень в своем историческом развитии. Этот уход от традиционных верований осуществляется исключительно в сфере мышления, в виде абстрактной возможности и служит одной цели – созданию такой теории, с помощью которой открывается новое видение мира»¹⁶. В этом случае вопрос о «начале» как исходном пункте начинает приобретать особую актуальность. Что будет выбрано в качестве отправного «начала» начинает зависеть от самого мышления. Осознание акта «я мыслью», – и, следовательно, обладаю свободой мышления – означает, что субъект вовлекается в новую форму мысли, которая называется рефлексией.

Таким образом, самоидентификация человека раскрывает его не только как субъекта отношения во вне, к обществу. Если человек осознает себя как некоторое «Я», то и это «Я», будучи осознанным, становится для него предметом саморефлексии. Иначе говоря, осознавая себя, духовно самоидентифицируясь, человек как бы раздваивается. С одной стороны, самоидентифицируясь, он себя превращает в субъекта определенного отношения. «Я» – субъект; с другой – себя же, свое «Я» он превращает в объект определенного отношения, «Я» – объект.

«Я», как объект отношения, имеет, разумеется, иную природу, чем общество в качестве такового объекта. Это «Я» – объект не вне человека, его субъективного духовного мира. Это «Я» – объект можно обозначить как духовно-социальный объект, имеющий ту же природу, что и «Я» – субъект. И тем не менее это «Я» – объект отлично от

«Я» – субъекта. Стало быть, в данном случае мы имеем дело с определенным отношением, отношением человека к самому себе.

Одна из фундаментальных особенностей существования и развития человека заключается в том, что он самого себя превратил в объект рефлексии, своеобразного отношения. Он, тем самым, включил в механизм собственного развития анализ самого себя, самооценку. И это превращение себя в объект собственного отношения, своеобразное раздвоение, дистанцирование от самого себя и сознательное преобразование самого себя явилось одним из важнейших факторов развития человека¹⁷.

Итак, рефлексивное мышление – это осознанная себя мысль, то есть деятельность самосознания. Под рефлексией в философской литературе понимается человеческое мышление, которое имеет своим предметом само себя; это есть мышление, подвергающее критике те представления, которые сформировались в сфере сознания под влиянием внешних воздействий. Рефлексия (reflexion) в буквальном смысле означает обращение назад. В нашем случае рефлексия есть обращенность мышления на само себя – собственное знание, его содержание, формы и методы познания; подвергая критическому анализу содержательную и инструментальную (формы и методы познания) стороны сознания, самопознание раскрывает внутреннее строение и духовный мир человека.

В рефлексии наблюдается тождество субъекта и объекта мышления: мысль и мысленное сливаются здесь до полного взаимопроникновения. Мысль как субъект предпринимает реальную попытку постичь самое себя, то есть становится для себя объектом. Объект мысли, в свою очередь, не есть нечто внешнее для субъекта, поскольку содержание мышления есть уже субъект; в этом факте обнаруживается переход внешнего во внутреннее – превращение воздействия явления внешнего

¹⁶ Сорокин П. А. Социокультурная динамика // Соркин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. - М., 1992. - С.334.

¹⁷ См.: Барулин В. С. Социально-философская антропология. - М., 1994. - С.93 - 94

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

мира в субъективный образ мышления. В рефлексии объект не просто переносится внутрь субъекта и созерцается как нечто с ним единое, как полагал Плотин, объект как содержание мысли и сама мысль едины, принадлежат целостному субъекту и противостоят друг другу лишь в зависимости от заданного угла зрения. Поскольку объект мысли тождественен самой мысли, постольку процесс созерцания равнозначен процессу самосозерцания.

А. Шопенгауэр связывает истоки возникновения рефлексии с особым классом представлений, свойственных только человеку, – понятием и его субъективным коррелятом – разумом. В познании существуют ясные, отчетливые и непосредственные представления; это своего рода наглядные образы в границах чистого созерцания, служащие сами себе порукой на предмет их достоверности и очевидности. Помимо них в познании используются абстрактные, дискурсивные понятия разума; природа их такова, что они по своему содержанию зависят от наглядных представлений. Переход от дискурсивного к интуитивному напоминает переход из «непосредственного солнечного света в заимствованное отражение луны»: первые – ясны, тверды, несомненны, вторые – зыбки, неотчетливы и порождают сомнение и заблуждения. Если в наглядных представлениях рассудка искажение действительности бывает кратковременным, то в абстрактных понятиях разума заблуждение может существовать в течение тысячелетий.

Рефлексия есть такая познавательная деятельность «разума», в основе которой лежит «отражение» – нечто производное от наглядного познания; данная деятельность осуществляется в своих специфических формах, отличных от форм чувственного созерцания. Рефлексивное мышление – это новое, «возведенное в высшую степень познание»; рефлексия осуществляется благодаря абстрактному отражению всего интуитивного в отвлеченных понятиях разума. Этим, говорит А. Шопен-

гауэр, человек отличается от животных, сознание которых ограничено рассудком¹⁸.

Когда мышление исследует чисто объективные отношения в реальной действительности и не задумывается над тем, как было получено это знание, такое мышление, безусловно, является нереплексивным; мысль как бы «погружена» в сам объект и не противостоит ему как нечто, отличное от него. В том случае, когда осознается потребность помимо предметного знания иметь ясное представление о способах его получения, когда возникает проблема обоснования знания и ставится вопрос о его истинности, налицо имеется рефлексивное мышление. Как говорит Г.В.Ф. Гегель, «с мыслью дело обстоит так, что только порождая себя, она себя находит». И здесь Г.В.Ф. Гегель высказывает положение, которое в мировоззренческом плане – отношение мышления к бытию и самого понимания бытия – может быть расценено как революционный переворот в философии. Г.В.Ф. Гегель утверждает, что мышление может существовать, то есть становится действительным в подлинном смысле слова лишь в том случае, когда оно осознает себя, размышляет о себе и предстает самому себе в качестве объекта. «Дело обстоит так, что лишь тогда, когда она (мысль) себя находит, она существует и действительна»¹⁹.

Г.В.Ф. Гегель, пожалуй, как никто другой из мыслителей сумел дать наиболее емкое и образное понятие рефлексии. Рефлексия или свобода самосознания есть такое качественное состояние мышления, когда «природное сознание исчезает внутри себя и тем самым дух погружается в себя». Рефлексию он представляет как свет, который «превращается в молнию мысли, ударяющую в самое себя и создающую, исходя отсюда, свой мир»²⁰. Используя этот образ Г.В.Ф. Гегеля, можно

¹⁸ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. - М., 1993. - 669с.

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. - СПб., 1993. - С.72.

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. - С.146.

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

сказать, что рефлексия есть такое состояние разума, когда мышление, подвергая самое себя творческому анализу, извлекает из своих недр новое знание о себе, служащее инструментом постижения бытия предметного мира. В предметном определении рефлексии не следует усматривать моментов солипсизма по той причине, что человек с его мышлением помимо того, что он выделяется из природы, остается часть ее; познавая мир своего Я, человек одновременно познает и внешний мир.

Обращенность на себя, характерная для рефлексивного мышления, указывает на наличие особого атрибута, присущего этому типу мышления; таким атрибутом выступает индивидуальность, то есть его способность размышлять о самом себе, знать себя, быть глубоко внутренним. Атрибут самосознания закрепляется в понятии Я: с помощью него фиксируется мое собственное бытие, отличное от бытия другого. Я существую в той мере, в какой обращаюсь к самому себе, размышляю о самом себе, знаю себя.

Принимая во внимание тот факт, что именно положение человека является определяющим моментом самоосуществления культуры, возможна характеристика самой культуры как адекватной позиции человека. Соответственно рассматривая художественную культуру XX века, связанную с утратой культивируемой системой ценностей, необходимо учитывать специфику рефлексивного мышления. «Кризис обязывает к рефлексии. Дефицит форм жизни требует вопрошания»²¹.

Следствием рефлексивного сознания является осуществление, как отмечал П. Сорокин, новой системы чувственных истин, что предполагает отрицание или, по крайней мере, совершенно равнодушное отношение к любой сверхчувственной реальности или ценности. Сверхчувственная реальность в этом случае несущественна и не заслуживает интереса. Отсюда следует, что чувственные

культуры считают исследование природы Бога и сверхчувственных явлений заблуждением или бесплодным явлением. «Если чувственная система не поощряет какого-либо интереса к сверхчувственным аспектам действительности, то она оказывает явное предпочтение изучению чувственного мира...»²². Таким образом, следствием рефлексивности сознания личности является организация чувственного типа культуры. Однако следует осознавать, что «мышление, понимаемое как механизм культуры, не означает, что культура мыслит так же, как отдельный индивид. Оно рассматривается здесь в виде некой идеальной модели, реально действующей в человеческих индивидах»²³.

Если исходить из того, что духовное освоение человеком мира, как отмечает М.С. Каган, особенно активно протекает художественно-образной форме, то эта форма миропонимания, как и другие необходимая для решения культурных задач, занимает особое положение в современной истории²⁴. О значимости художественно-образного освоения мира пишет В.А. Конев, определяя «закон прецедента». Суть этого закона состоит в том, что он является одним из механизмов трансляции и хранения продуктов человеческой деятельности как культурных феноменов. Исследуя действие этого механизма на примере существования в культуре произведений искусства, В.А. Конев отмечает: «...Произведение искусства возникает и существует в поле объективированных условий художественного познания, которые являются своеобразной категориальной сеткой художественного мышления и оказываются “ступеньками” эстетического осознания действительности, своеобразной онтоло-

²² Сорокин П. А. Указ. соч. - С.466.

²³ Голенков С.И. Схематизм мышления как проблема философии культуры // Философия культуры 1995. - Самара, 1995. - С.24.

²⁴ Каган М.С. Философское мышление в пространстве культуры // Парадигма философствования. Вторые международные философско-культурологические чтения. Вып. 2. - СПб., 1995. - С.47.

²¹ Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. - 1997. - №1. - С.144.

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

гией художественной реальности. Освоение этой системы объективаций художником является необходимым условием его творчества, ибо только через нее и благодаря ней ему дается действительность художественного познания»²⁵. Именно сфера художественной культуры, которая в большей степени обращена к внутреннему миру человека, занимает особое место в культуре XX века.

При выявлении новой системы ценностей в центре культуры оказывается фигура художника, в целостном образно-ассоциативном видении мира предвосхищающего все основные тенденции его развития, предсказывающего их, пророчествующего о будущем, как бы «сотворяющего» новый мир своим искусством. Именно художник, преломляя свои мысли через призму образного восприятия мира, становится более объективным и беспристрастным в определении системы ценностей культуры, несмотря на весь свой субъективизм и яркую творческую индивидуальность.

В современной культуре, когда происходит активизация рефлексивного мышления, вместо того, чтобы иметь дело с самими вещами и предметами, человек в большей мере обращается к своему внутреннему опыту. Его погруженность в мир лингвистических форм, художественных и мифологических образов, религиозных воззрений настолько велика и естественна для него, что непосредственное восприятие предметной действительности становится невозможным без этого социального посредника. Поэтому, предпринимая попытку охарактеризовать современную форму культуры, следует обратиться, прежде всего, к художественной сфере, и в этом случае необходимо учитывать специфику бытия опыта человеческой жизнедеятельности, которая состоит в том, что опыт существует в знаковой форме, то есть в виде знаков. Бытие опыта в виде знаков как раз и позволяет представить культуру как текст. М.М. Бахтин писал: «По-

всюду действительный или возможный текст и его понимание»²⁶. По отношению к культуре в целом художественную составляющую, как некий своеобразный текст, можно рассматривать как своеобразную модель данного типа культуры, ее образный «портрет». Для культуры, которой принадлежит определенный круг художественных явлений, они являются ее «самосознанием», для другой культуры они являются «кодом», раскрывающим смысл их культурного контекста.

Не случайно анализируя современную культуру, при обращении к ее художественным формам, П. А. Сорокин считает, что эта культура чувственного типа, одновременно автор констатирует ее кризисное состояние. Современная чувственная культура все более превращается в «культурную свалку». Подобное состояние современной культуры побуждает к более тщательному рассмотрению процесса становления чувственного типа восприятия мира. Таковым рубиконом, когда чувственное мировосприятие стало доминировать, явилось импрессионистическое искусство. «Во всех отношениях, – отмечает П. А. Сорокин, – школа импрессионистов представляет крайний предел чувственного искусства, основанного на мимолетных впечатлениях от чисто поверхностных явлений»²⁷. П. А. Сорокин предлагает следующую характеристику чувственного искусства: «Стиль чувственного искусства натуралистичен, даже подчас несколько иллюзионистичен, свободен от всякого сверхчувственного символизма. Оно воспроизводит явления внешнего мира такими, какими они воспринимаются нашими органами чувств. Это искусство динамично по своей природе: в своей эмоциональности, силе изображаемых страстей и действий, по своей настоящей современности и изменчивости. Ему приходится непрерывно ме-

²⁵ Конев В.А. Социальное бытие искусства. - Саратов, 1975. - С.110.

²⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1986. - С.309.

²⁷ Сорокин П. Указ соч. - С.461

Олег АСТАХОВ / Oleg ASTAKHOV

| Рефлексивность идентификации личности в художественной культуре XX века / Reflexivity of personality identification in the art culture of the 20th century |

няться»²⁸. Чувственное искусство стремится отразить мир таким, каким он открывается художнику. При этом оно не подразумевает какую-нибудь сверхчувственную ценность за чувственными формами. Оно существует или исчезает в зависимости от способности отражать и воспроизводить этот чувственный мир как можно правдивее, однако правдивость изображения определяется самим художником. Отказываясь от предшествующего опыта, художник заново пытается открыть для себя мир, и в этом случае он прислушивается исключительно к своим собственным ощущениям. Это приводит к возрастающему отрицанию вечных ценностей, которые вытесняются временными или быстротечными соображениями. «Чувственное общество живет в настоящем и ценит только настоящее. Так как прошлое необратимо и уже более не существует, а будущее еще не наступило, тем более что оно всегда неясно, то только настоящий момент реален и желанен»²⁹. Акцентируя внимание на время настоящее, происходит утрата биографии

или деидентификация. «Индивидуальная человеческая биография характеризуется, с формальной точки зрения, соотношением прошлого и будущего, или, если говорить конкретнее, соотношением пройденного жизненного пути и перспективных жизненных планов. Но не прошлое, а именно планируемое, ожидаемое и предвидимое будущее обеспечивает в субъективном восприятии самого индивида единство и целостность его биографии, и, следовательно, прочность и долговременность его идентификаций»³⁰.

Не случайно, характеризуя чувственный тип культуры, П. А. Сорокин останавливает внимание на импрессионизме, хотя подробного анализа данного феномена искусства как формы выражения культуры в его работах нет, при том, что именно импрессионистическое мировосприятие стало первым этапом на пути самоидентификации личности, актуализирующей рефлексивность мышления, что, безусловно, оказало влияние на характер самой культуры в целом, и явилось предвестником трансформаций в художественной культуре XX века.

²⁸ Сорокин П. Указ. соч. - С.437.

²⁹ Там же, с. 470.

³⁰ Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка // Социологические исследования. - 1995. - №4. - С.3-4.

